

Юрий Бондарев

Искушение

Роман

Глава 1

Последние минуты на кладбище были до крайности тяжелы затянувшейся панихидой, траурными речами, звуками оркестра, парной духотой перед дождем, скопившейся в липах и между могилами, по которым темно ходили грозовые тени от заслонявших солнце туч. В душном воздухе окатывало запахом обильно наложенных в гроб цветов, сытым запахом увядания, смешанным с земляной сыростью свежевырытой могилы вблизи дорогих памятников этого ухоженного города мертвых, забытых и полузабытых знаменитостей, города покоя с опрятными аллеями, со стерильной чистотой дорожек, вроде бы предназначенных для бесшумных детских колясок, для безмолвного гуляния.

И невыносимо длинны и мучительны были речи сотрудников института и коллег покойного, их неумеренные в горестном упоении слова («талантливый», «выдающийся академик», «прославленный Федор Алексеевич Григорьев»), и Дроздову неприятно было видеть, как дождь отвесно стал бить по сединам, по лысым, по листкам машинописного текста, размывая чернильную правку, а ораторы дрожащими пальцами разглаживали намокшие листки заготовленных речей, и голоса вибрировали в безысходном сладострастии беды, постигшей современную науку. Дроздов томился в отдельной толпе сослуживцев, ученых и близких семье Григорьева, окружавших в нерушимом объединении микрофон, и как бы не

узнавал многих, кто стоял рядом и кто подходил с листком бумаги к изголовью гроба. Он не узнавал доктора наук Чернышова, толстенького, неуклонно приветливого, розовое лицо которого среди других лиц выделялось здоровьем, даже когда испуганно застывало оно в недоуменном страдании при взгляде на Нонну Кирилловну, точно в эти минуты он боялся расплатиться за свою удачливую судьбу, за прошлую зависимость от ушедшего своего учителя, долгие годы безоговорочно преданный ему ученик. Поминутно покорно склоняясь, готовый упасть на колени, разрыдаться, он в порыве бессильного утешения целовал ей руку, после чего долго перхал, хлюпал, втягивая воздух широким носом. И особо неловко было видеть, как он обреченным жестом обессиленного горем человека показывал на сердце, без слов умоляя не давать ему прощального слова над гробом, так как не выдержит, не вынесет перенапряжения, при этом он робко съеживался, мелькая ловящим взглядом в направлении вице-президента Академии наук Козина, давнего оппонента и соперника Григорьева, костистого рослого старика, желтощекого, с узкой бородкой. В его антрацитно-черных глазах время от времени отражался притушенный веками высокомерный блеск в ответ на это искательное внимание Чернышова, тогда академик снисходительно приподымал бровь и снова устремлял строгое внимание на покойного.

Быть может, от усталости и долгой преддождевой духоты, траурных речей, гробового запаха цветов в неподвижном воздухе это замеченное (или воображаемое им) неуловимое заискивающее общение Чернышова с Козиным, это скользящее соприкосновение зрачками представилось вдруг

Дроздову таким диким, противоестественным, что он придвинулся к Чернышову, сказал шепотом, едва сдерживаясь: «Ведите себя хотя бы пристойно, дьявол вас возьми, не будьте смешны в неподобающие моменты». И Чернышов, дрогнув толстыми щеками, беззвучно заплакал, замирая потупленным взором: «Оставьте меня в покое».

Противоестественным было и то, что из-за затянувшихся речей стал собираться со стороны незнакомый народ, чужая распаренная толпа, дети и тучные женщины с обвисшими сумками в руках; не без завистливого любопытства они оглядывали дорогой гроб, пышные венки, гирлянды, серебряные надписи разных скорбящих организаций – и Дроздов внезапно вспомнил похороны своей жены, ее неузнаваемое тонкое, чудилось, очень юное, с бледным румянцем лицо, и, как во сне, за спиной чей-то доползший до слуха шепот, в котором он уловил одну лишь фразу: «Такие женщины бывают только любовницами». Вспомнил, как с затуманенной головой он повернулся, будто перед падением в обрыв, четко сознавая, что ударит сейчас этого человека, прошептавшего за спиной неуместное скользкое слово, что здесь, на кладбище, произойдет неслыханный скандал. Но, повернувшись, увидел фальшиво поникшего Чернышова, его потупленные глаза и рядом – светлые бесстрашные глаза своего друга Тарутина, вызывающие его на самое отчаянное, и все же сдержал себя, мысленно оставляя на будущее право мужского разговора.

И тогда на похоронах Юлии, и теперь на похоронах бывшего тестя он ждал облегчения. Ему хотелось освободиться от тесноты в горле, от этих бессмысленных речей, от скопившейся вокруг гроба праздной толпы с ее

извечно пещерным интересом к чужой смерти, от притворного потрясения нелюбимого им Чернышова, украдкой косящего влажными глазами в направлении крючковой бородки академика Козина.

Главное было в ином. У него уже не было сил долго глядеть в сторону гроба, где еле видное из навала цветов белым гипсом недвижно проступало пугающее властными строгими чертами и надменным величием лицо покойного, и Дроздову казалось, что это лежит не отец Юлии, не академик Федор Алексеевич Григорьев, а кто-то другой, тоже мучительно знакомый, чье имя ускользающе-смутно вертелось в голове, но не мог вспомнить, кто это. И постепенно нарастало чувство, что произошла страшная и коварная подмена, что лежащему в гробу дано лицо человека, не умершего, а еще живущего на земле.

«Да что за чертовщина! Мне кажется – я вижу себя... Какая-то галлюцинация! Не может этого быть, – холодком проходила и вздрагивала в нем мысль. – Я возвращаюсь назад, к похоронам Юлии? Да это какое-то ужасающее стечение обстоятельств – хоронить разведенную жену, потом ее отца. Да, безумие, что-то неестественное. Что ж, может быть, это и есть наказание?»

И в этот миг ему почему-то захотелось увидеть Валерию. Он взглядом нашел ее в толпе возле гроба – несоответственно кокетливая косынка черного цвета, по-деревенски завязанная снизу подбородка, и модно, и траурно затеняла молодое наклоненное лицо, по-южному загорелое, напоминавшее о вчерашнем солнце, о вчерашнем море – но в ее лице, в этой косынке, в ее тонкой сильной фигуре было печальное смирение. Она

медленно подняла голову, ощутив его внимание, ее глаза, ответно сказавшие что-то ему, были туманны от невылитых слез. И он подумал с завистью к ее, должно быть, однозначному состоянию: «Она не чувствует того, что чувствую я. Она как будто о чем-то спрашивает и успокаивает меня», – и ответил ей почти незаметным движением головы, что могло означать: «Я вас понимаю. Но здесь каждый – в своем».

Когда все было кончено и вместе с Нонной Кирилловной он сел в машину, опавшую изнутри после сытного запаха цветов синтетической духотой будничного мира, он не мог избавиться от сознания чего-то нелогичного, случившегося с ним на кладбище, чего-то незаслуженно обманного, неопределенного, а когда ехали по ливневой Москве, был рад этой августовской грозе, обвальному грохоту дождя по капоту, зигзагам потоков, скользящих по стеклам.

Нонна Кирилловна молчала в полумраке машины, он же трезво отдавал себе отчет в том, что в силу неразорванных им до конца условностей роль бывшего зятя ставила его в положение неестественное. Порой это было просто невыносимо. Никогда между ним и семьей Юлии не загорались и не привились истинно родственные отношения. Нонна Кирилловна, вдохнувшая клейкий воздух подмоштков и славы, коротко испытанной ею в молодости и незабытой, обладая твердыми убеждениями, противилась их сближению. Она считала, что дочь, воспитанная ею в семейных традициях, если уж не пошла по ее стопам, то все же достойна более высокой партии в жизни, и не один год была оскорблена ее выбором жалкого «геолога», «инженеришки», ее неразборчивым вкусом. Довольно-таки молодой режиссер знаменитого

Малого театра, обаятельный красавец, талант, два года ухаживал за Юлией, упоенный надеждой жениха, приходил в дом, неотразимый, искрящийся, как сама очаровательная его улыбка, как его приветственная фраза, произнесенная хорошо поставленным голосом: «Вы сегодня особенным образом прелестны, Юлечка, а вы просто чудесно выглядите, драгоценная Нонна Кирилловна!»

По рассказам Юлии, фраза эта беззастенчиво высмеивалась ею, с невинным видом заявлявшей матери, что льстивое приветствие, пожалуй, заимствовано из дореволюционной пьесы, где герой в клетчатых штанах и с тростью вальяжно входит в купеческий дом, раскланивается с заспанной растопыркой-дочерью и дородной матерью-купчихой, симпатизирующей угодливому жениху. В тот еще безветренный период их любви Юлия была искренна с ним, он же иногда думал, что она и замуж-то вышла за него из сопротивления матери, наперекор ей и артистической самоуверенности жениха. Но много лет спустя все встало наперекор, как и смерть ее...

«Самое тяжелое – поминки, – думал с тоской Дроздов, чувствуя рядом каменную неподвижность Нонны Кирилловны, горчичный запах ее намокшего крепа. – Сначала поминальная, неумеренная хвала, сожаление, скорбь, потом возбуждение, кое-где даже несдержанный смех, потом вселенская глупость взвинченных разговоров, чья-то обида, чья-то злая память... Нет уж, на поминках я не буду, – решил он бесповоротно. – Провожу ее и уеду немедленно, что бы ни говорили обо мне, как бы ни судили!»

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66